

«Есть некий внутренний глаз, который видит вещи в особенном свете. Создавая музыку, человек очищается, смотрит внутрь и понимает, какой образ может подойти к определенному фрагменту музыки»

Трей Ганн — Газете

гастроль

“НИКАКИХ ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ В МОЕМ МОЗГУ НЕТ”

Трей Ганн —
Газете

Завтра в Центральном доме художника состоится выступление уникального проекта Quodia, в составе которого — легендарный мультиинструменталист и участник King Crimson Трей Ганн и известный музыкант и экспериментатор Джо Мендельсон. Корреспондент Газеты Александр Зайцев поговорил с Треем Ганном о пьесе «Стрела», которая прозвучит на завтрашнем концерте, — но сначала выяснилось, что у знаменитого музыканта есть немало знакомых в России.

Трей Ганн (справа): «По всему миру гармонии совершенно статичны, ритм однообразен. Я лучше буду слушать, как ветер шумит в деревьях».

Здравствуйте...

Как вас зовут? Саша? Я знаю человек десять по имени Саша в Москве. И еще Светланы: кажется, что всех женщин, с которыми я знакоюсь, зовут Светлана...

Какая концепция лежит в основе проекта Quodia?

Сама идея обычного музыкального представления сильно разочаровала и утомила меня. Особенно все то, что происходит в мире рока. Лет пять назад в моей группе — Trey Gunn Band — я начал экспериментировать с визуальным рядом. С Джо Мендельсоном, моим партнером по Quodia, мы открыли нечто: нам захотелось оставить в стороне общепринятую идею того, как следует преподнести музыку на концерте. Я сказал ему, что работаю над одним рассказом, и, может быть, взять его за отправную точку? Этот рассказ стал первой частью «Стрелы». За один уик-энд мы разработали почти всю модель нашего проекта — его музыкальные и визуальные стороны одновременно. Джо хотя и не сочиняет музыку, но занимается смещением изображения, диалогов и музыки. Так все началось. А концепция жила в моей голове уже не одно десятилетие. Это очень интригующая идея — вовлекать аудиторию в перфоманс. Есть определенный вид перфоманса, которому я стараюсь противостоять. Я думаю, что применительно к нему можно использовать слово «развлечение»: когда аудитория полностью выдергивается из обычной жизни и погружается в кино или музыку. Люди совершенно забывают о себе и тонут в этом мире. Это клевое, но мне в этом чего-то не хватает. То, что мы, кажется, открываем в этом проекте, — переход на другой уровень, где конкретное произведение побужда-

ет людей включить воображение. Совсем иной подход. Они не растворяются в перфомансе, а участвуют в нем. В первой части «Стрелы» дается лишь некий намек, по которому зрители могут достроить образы. Каждый человек придумывает свою историю. Кто-то видит в женском персонаже образ своей бабушки, живущей в Болгарии, для кого-то — все происходит в Марокко, для кого-то — в северной Канаде... В этом особенность — не давать определенный вид информации. Хотя музыка, текст, звуковой дизайн — звуки воды, огня — все это остается информацией. У нас есть возможность накрыть аудиторию с головой, как поступает современное развлекательное телевидение. Но мы совершенно вне этого. Я ненавижу информационные средства, в которых человек тонет. Сегодня кто угодно может записать пластинку, кто угодно может сделать удивительный звук и видеоряд. Кто угодно может сделать что угодно. И все делают это одновременно. А мы стараемся удержать баланс.

Есть ли какая-то связь с древней мифологией в истории «Стрелы»?

Конечно же, есть связь. Это история. Во всех нас есть следы чего-то древнего. Если специально заниматься этим, вы непременно найдете в себе архетип. «Стрела» — это не история, взятая из древности. Опыт создания этого текста довольно необычен для меня. Я не писал историю сам, она приходила ко мне — я только фиксировал. У меня был диктофон, и большую часть истории я записал, находясь высоко в горах Мексики. Я уходил в горы и наговаривал очередную часть, не представляя себе, что получится в конце. Потом я возвращался, и мы с Джоном расшифровывали текст.

Исполнение музыки для вас — это и визуальный опыт? То есть вы, наверное, видите некие образы, когда сочиняете или исполняете музыку.

Нет. (Смеется.) Я слушаю музыку и играю ее, но никаких галлюцинаций в моем мозгу при этом нет. Скорее есть некий внутренний глаз, который видит вещи в особенном свете. Создавая музыку, человек очищается, смотрит внутрь и понимает, какой образ может подойти к определенному фрагменту музыки.

Что для вас самое важное в музыке?

На что вы обращаете внимание в первую очередь?

Вообще я всегда хочу услышать нечто, чего никогда не слышал. Я помешан не то чтобы на новинках, а скорее на новых структурах. На чем-то, чего никто раньше не делал. Я артист и, возможно, самый недостойный человек в мире для того, чтобы спрашивать мое мнение. Но если меня спросить, вот что я отвечу: я хочу увидеть новую форму. Мне не интересны традиционные формы. Я просто не выношу ту музыку, которая все тянется и тянется... я не знаю, есть ли подобное в России, но по всему миру гармонии совершенно статичны, ритм однообразен. Это заполнение воздуха ничем. Я лучше буду слушать, как ветер шумит в деревьях. Меня интересует музыкальная гармония. Гармонический язык полностью разрушен за последние сто лет. Поэтому мы стараемся найти что-то новое.

У вас есть альбом «Raw Power». На что вы намекали, взяв название легендарного альбома The Stooges?

Ха, да. Интересно, что музыка моего альбома совершенно не похожа на The Stooges.

газета

добрых дел мастер

Трей Ганн — один из самых оригинальных мыслящих современных музыкантов. Последние десять лет Ганн был участником King Crimson и только совсем недавно покинул эту великую группу. У него есть собственный коллектив Trey Gunn Band. Помимо Роберта Фриппа Ганн сотрудничал с Дэвидом Сильвианом, Верноном Ридом, Джоном Полом Джонсом и другими известными музыкантами. Трей Ганн известен также своим пристрастием к инструментам нетрадиционной формы и звучания, с помощью которых он создает не слышанную доселе музыку.

Просто у меня есть приятель, который занимается виндсерфингом и снимает фильмы. Он живет в Орегоне, в одном из лучших мест для серфинга. Он сделал несколько фильмов, используя камеру, установленную на своем шлеме, и попросил меня сочинить музыку к ним. Один из фильмов он назвал в честь альбома Игги Попа. С этим приятелем мы раньше играли в группе и оба очень любили Игги... Он по-прежнему один из моих героев. Серия записей для фильма тоже была названа «Raw Power». Так и приклеилось.

Вы работали с Робертом Фриппом. Это правда, что он, такой серьезный на сцене, на самом деле большой шутник?

Да. (Смеется.) Иногда он просто увлекается. Как ребенок — как начнет шутить, так его и не остановишь.